

0: МОЖЕТ ЛИ ЛЯХ ПОДРУЖИТЬСЯ С МОСКАЛЕМ?

«У поляков однозначно отрицательный сложился образ России как государства: на нее смотрят как на недружественное Польше, не вызывающее доверия, управляемое авторитарно и одновременно плохо организованное, неэффективное государство, полное контрастов и патологических отклонений». Это следует из последних опросов, посвященных мнению поляков и россиян друг о друге, проведенных в ноябре и декабре по заказу созданных правительствами обеих стран Центров диалога и согласия.

«Намерения Польши по отношению к России воспринимаются неоднозначно, скорее негативно. Хуже, чем Польша, к России относятся только Литва и США» — такая картина, в свою очередь, складывается по результатам опроса, проведенного в России, и это еще можно назвать смягченными выводами.

Углубленное изучение отношения друг к другу поляков и русских проводятся редко. В последний раз подобная работа была предпринята в конце 2001 г., перед первым визитом президента Владимира Путина в Варшаву, который должен был улучшить наши отношения. Позднее как правило к другим, более широким опросам в обеих странах добавлялись только отдельные вопросы, как это было, например, перед визитом в Варшаву президента Дмитрия Медведева в декабре 2010 года. Сейчас по заказу Центров диалога и согласия проведен опрос «Общественный диагноз-2013», результаты которого будут официально объявлены в четверг.

Возникающий образ — невеселый. Для россиян Польша — третья вражеская страна после Литвы и США. Поляки, в свою очередь, рассматривают Россию как самого далекого ментально и культурно и самого недружелюбно настроенного из всех соседей. Недоверие усугубляется неверием в то, что Россия сможет открыто и честно объяснить причину смоленской катастрофы. Только треть поляков считает, что Россия в этой связи занимает нормальную позицию по отношению к Польше. В свою очередь, у россиян сохранилось убеждение, что поляки постоянно что-то замышляют против России и что антирусская направленность — один из главных механизмов наших общественных и политических действий.

К этому нужно добавить очень слабое знакомство с соседней страной как у поляков, так и у россиян: только 11% поляков бывали в России, и лишь 8% россиян когда-либо были в Польше. Но если поляки признаются, что охотно поехали бы в Россию и что для них это привлекательное туристическое направление, то русских Польша не слишком интересует. Впрочем, опросы фокусных групп (нерепрезентативные исследования) показали, что среднестатистический россиянин не получает туристических предложений в Польшу, а только в другие европейские страны, а Польшу если и посещает, то проездом на Запад.

В комментариях к опросам социологи отмечают, что поляки и русские приписывают друг другу противоположные черты. Русские считают, что их характеризует свобода, открытость и смелость, полякам же приписывают предприимчивость, религиозность, уважение к традициям и порядку. В свою очередь, поляки называют россиян покорными любой власти, какой бы она ни была, а у себя отмечают свободолюбие и привязанность к семейным ценностям, традициям.

В 2001 г. нормальными и дружественными взаимоотношения между нашими государствами называли соответственно 75% россиян и 51% поляков (опрос польского Агентства общественных исследований PBS и Московского центра международных социологических исследований). Тогда казалось, что единственной преградой между нами остаются исторические вопросы, такие как неразрешенная проблема катынского преступления, но что как только они будут сняты, всё будет хорошо. Сегодня мы далеко продвинулись в направлении исторического диалога, в том числе благодаря Польско-российской группе по сложным вопросам, а относимся друг к другу гораздо хуже.

Стала ли причиной кризиса только катастрофа под Смоленском? Это, конечно, один из важнейших факторов с польской стороны. Но почему русские, которые десять лет назад были настроены так доброжелательно, теперь относятся к нам столь отрицательно? Социологи не дают однозначного ответа на этот вопрос. «Польша не предпринимает достаточных усилий для улучшения отношений или даже не стремится к их улучшению» — таков один из выводов опроса среди россиян. Но правда ли это, и откуда они это знают? Ведь они сами признаются, что сведения о Польше черпают в основном из государственных СМИ (прежде всего — из контролируемого Кремлем телевидения, в меньшей степени — из интернета). Значит, возможно, стоит уделить

больше внимания тому, как российские телеканалы говорят о Польше. А говорят они о ней в основном в связи с конфликтами, шероховатостями и противоречиями.

В случае поляков многие негативные оценки соседей можно списать на смоленскую катастрофу и на то, что устраивают вокруг нее некоторые политические партии. Но, с другой стороны, сложно обвинить ПиС в том, что Россия воспринимается как государство всё более и более авторитарное. Приходящие с востока сообщения о репрессиях оппозиции, о закручивании гаек только укрепляют мир во мнении, что страна развивается в антиевропейском и антидемократическом направлении. Поэтому для Польши самым эффективным лекарством от плохого образа России была бы ее демократизация.

Радует, что несмотря на различия оба народа настроены довольно прагматично — это видно особенно по опросам фокусных групп. В них появляются призывы к сотрудничеству там, где это возможно, к тому, чтобы делать бизнес, использовать те шансы, которые предоставляются, а на различия обращать меньше внимания. С российской стороны также заметна склонность к прагматизму и надежда, что Польша, будучи тесно связанной с Евросоюзом, будет менее антироссийской. Представители обеих стран говорят, что нас могут сблизить культура, бизнес, туризм и обмен молодежью, у которой меньше всего предрассудков.

Вопрос только в том, захотят ли политики обоих государств прислушаться к этому голосу, или скорее удовлетворятся тем, что дела обстоят плохо — ведь это можно успешно использовать в качестве инструмента в политических баталиях на внутренней сцене.

*

Опрос «Польша — Россия: Общественный диагноз-2013» проведен в ноябре и декабре по заказу Центров диалога и согласия обоих государств, действующих в Варшаве и Москве. Его результаты были представлены в Варшаве 7 марта.

Мартин Войцеховский много лет был журналистом «Газеты выборчей», в настоящее время — вице-председатель Фонда международной солидарности.

1: СОВРЕМЕННЫЕ ДВАДЦАТИЛЕТНИЕ

Двадцатилетние 60 лет тому назад

У тех, кто вырос в середине прошлого века, не было таких возможностей для развития, как у молодых людей в наши дни. У них были другие мечты, в чем можно убедиться, обратившись к польской литературе.

«Во время корейской войны распространился слух, что из Польши должны поехать добровольцы в Корею (...) Многие из тех, кто до этого уклонялся от воинской службы, аргументируя свою негодность стенокардией, двусторонней грыжей и глухотой, начали вдруг объявлять себя добровольцами; цель этих махинаций была ясна: речь шла о том, чтобы с высоко поднятыми руками перейти к генералу Макатуру.

Конечно, немногие при этом задумывались о том, что можно погибнуть от рук тех самых американцев, к которым они жаждали сбежать; эти годы, однако, были самыми ужасными, и перспектива расстаться с жизнью или остаться калекой не отпугивала вероятных добровольцев». Это из книги Марека Хласко «Красивые двадцатилетние», из которого видно, о чем мечтало послевоенное поколение. А мечтало оно прежде всего о свободе, пусть любой ценой.

Двадцатилетние 20 лет тому назад

«Поколение 2000», как называли тех, кто достиг совершеннолетия на рубеже тысячелетий, о свободе могло не беспокоиться.

Какими были в то время люди, родившиеся около 1980 года? Это демонстрирует статья «На острове сокровищ» Павла Вуйца, опубликованная 9 января 1999 г. в «Газете выборчей», в которой приведен диалог, состоявшийся у автора текста с двадцатилетним тогда сотрудником газеты.

«Как-то раз на лестнице я спросил его, почему он принимает всё так близко к сердцу.

— Ты ничего не понимаешь, — заявил он.

— Почему?

— Ты из другого поколения. Ты пенопласт. — Я по-прежнему не понимал. — Вам не нужно ничего уметь, — объяснял он. — Вы были первыми, учились на ходу, и теперь то, что нужно, знаете из жизни. И ваше место у вас никто не отберет. А мне нельзя совершить ошибку.

— Почему?

— Потому, что шестеро моих однокурсников только и ждут, чтобы мое место освободилось».

«Поколение-2000» состояло из тех, кто родился еще в ПНР, помнит серость последних лет Народной Польши, но период их созревания пришелся на годы преобразований, поэтому их еще называют «детьми свободного рынка».

Чем отличались тогдашние двадцатилетние? В статье «На острове сокровищ» мы читаем, что им очень хотелось подражать тому, что творилось на Западе, но при этом у них не было комплексов по отношению к молодым американцам или жителям Евросоюза, состоявшего тогда еще из пятнадцати государств. Они были современными — каждый третий пользовался компьютером, а половина слушала компактные плееры и смотрела кабельное либо спутниковое телевидение. Еще они были оптимистами — как следовало из доклада «Поколение конца века» Института исследований рынка SMG/KRC Poland, соответственно 80, 90 и 91% были убеждены, что будут жить в свободном мире и у них будет и работа, и деньги. Кроме того, 80% представителей «Поколения-2000» были настолько удовлетворены общим состоянием дел в мире, что утверждали, что никогда не станут бунтовщиками. Однако и улучшать этот мир они не хотели, к этому был склонен лишь каждый четвертый, большую часть интересовало создание комфортных условий в существующей реальности только для себя.

Современные двадцатилетние

Судя по последнему высказыванию, они немногим отличаются от тех, кто родился уже в Третьей Речи Посполитой. Согласно докладу «Молодые-2011» канцелярии совета министров, лишь каждый пятый из опрошенных желает трудиться для блага других, тогда как для половины важнейшая цель — это забота о себе и своих близких; стоит еще добавить, что 45% респондентов считают, что следует держаться подальше от политики.

Этот результат при сопоставлении с явкой во время парламентских выборов 2011 г., составившей точно 48,92%, может означать, что, с точки зрения вовлеченности в политические проблемы, это поколение не слишком отстает от общества в целом.

Что еще следует из доклада? Нынешние двадцатилетние делают ставку на образование. Именно в нем они усматривают шанс на осуществление своей цели — получить творческую работу и обзавестись детьми. Это не поколение просителей, оно не ждет подарков от государства. Единственное, чего они хотят, это поддержки на рынке труда. Есть у них и конкретное представление о работе, которую они хотели бы выполнять. Они видят себя людьми, делающими блестящую карьеру, но на рабочем месте для них важнее всего независимость, отсюда мечты о руководящих должностях либо ведении собственной экономической деятельности.

При всем этом у них неодобрительное отношение к профессиональной мобильности, хотя они осознают условия, которые диктует современный рынок труда, принадлежащий, несомненно, работодателям, а не работникам. Современные молодые поляки приходят на рынок труда позже, чем их ровесники из Евросоюза, но в то же время они несколько чаще сочетают работу с учебой, что облегчает им поиски работы после получения диплома о высшем образовании.

На эту активность людей, родившихся после 1990 г., обращает внимание доктор Патриция Шосток с факультета общественных наук Силезского университета, говоря о молодых студентах: «Это очень активные люди. Они приходят в университет уже с каким-то профессиональным опытом, учатся по нескольким специальностям, и при этом всё больше участвуют в студенческой общественной жизни — научные кружки, самоуправление, это их очень занимает. Прежде всего, однако, важно, что на рынке труда они уже не полные новички. В подтверждение этого я попросила своих студентов подготовить резюме и список мотиваций, чтобы провести имитацию собеседования. Они претендовали на такие должности, для которых у них был достаточный опыт, так как все они в жизни уже что-то делали, что-то умели. Сегодня не работает лишь ничтожная часть студентов.

Рассматривают ли они учебу как дополнение? Да, им известно, что образование необходимо, но они не тянут с устройством на работу до получения диплома, так как и без него пока прекрасно справляются».

Сломленные или возмущенные?

Намного менее оптимистический портрет двадцатилетних можно увидеть в опубликованной на портале Temat.pl статье «Сломленное поколение двадцатилетних. Они не знают, что хотят делать, поэтому не делают ничего». Особенна строга к этой когорте Дорота Завадская, развивающий психолог, которая утверждает: «Я называю их потерянными поколением, может быть, сломленным, обиженным. Они ничего не знают о себе, не знают, чего хотят. У них есть ожидания, навязанные им внешним миром, они чувствуют, что должны делать то или другое. Но они не знают, нравится ли им это, хорошо ли это для них, нужно ли это им и, в первую очередь, как им к чему-либо приступить».

В другом месте популярный психолог, однако, замечает, что ответственность за такое положение вещей несет старшее поколение: «Ответственность лежит на нас. Мы не научили их работать, учиться самостоятельно мыслить. Они хотят скорее брать, чем отдавать, потому что приучены к этому. У многих из этих людей есть идентификационно-личностные проблемы на грани депрессии, психоза тревоги. Говоря с молодыми, я объясняю им, что жизнь состоит не только из фейерверков. Она, в общем-то, скучна. Но они не соглашаются с этим. Им хочется ежедневного праздника. Они не хотят видеть жизнь в сером цвете. (...) Они сами не знают, чего хотят, а ждут, что всё будет иначе. Им не терпится получить вознаграждение. Идут на работу, а через три дня уже требуют аванс».

Сразу после этого текста на странице Temat.pl появился другой — «Двадцатилетние возмущены. Их ответ: — Я точно знаю, кем буду и что хочу делать», в котором главные заинтересованные лица отбивали атаку старшего поколения, отвечая так, как интернет-пользователь Николетта П.: «Я считаю образование необходимым элементом формирования своего будущего. Так же, как и личности, поэтому я столь высоко его ценю. В каждом поколении есть индивидуумы, которым ничего не хочется, а есть такие, у которых всё же что-то получается. Но из этого нельзя выводить общие принципы и стереотипы, которые в равной степени отвращают нас от мира и мир от нас»!

«Какие мы? Прежде всего, мы оптимисты и много делаем для того, чтобы быть довольными жизнью, — говорит Рафал, двадцати одного года, студент, изучающий журналистику. — Я выбрал не самый легкий путь к этому счастью, потому что знаю, как трудно найти себя и самореализоваться в моей будущей профессии. Но я не сижу сложа руки — с 18 лет я сотрудничаю с различными редакциями и надеюсь, что это когда-нибудь даст отдачу. О сверстниках могу сказать, что они борются. Многие уехали за границу, но утверждают, что не навсегда. Другие ищут свой путь. Приятель в этом году хочет прервать учебу и на несколько месяцев поехать в США в рамках программы «Work and Travel»